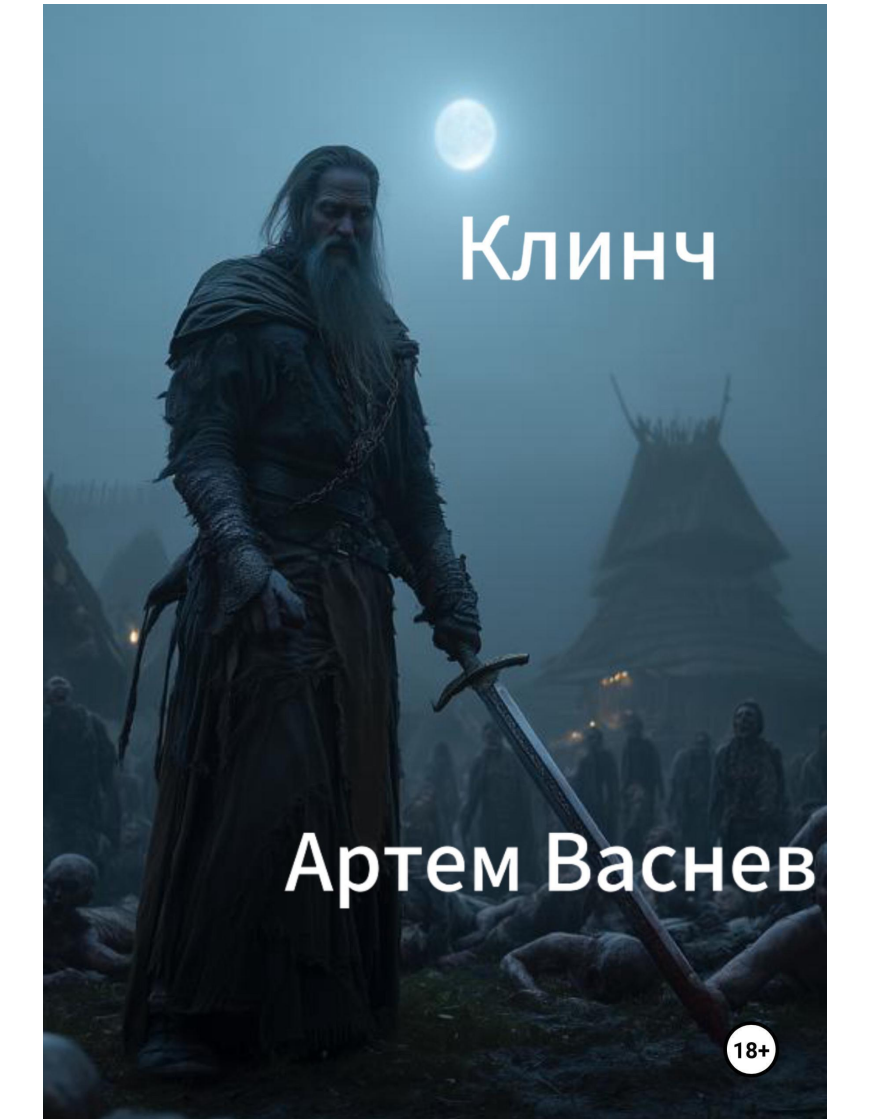

Клинч

Артем Васнев

18+

Артем Васнев

Клинч

<https://litres.ru/72122974>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сердце старца Нила на «тарелке» подано на растерзание главам девяти демонских чинов. Схимника ждут тяжелейшие девять ночей полных страданий и искушений. Выдержит ли старый монах испытание и при чем тут молодой и амбициозный писатель Лужинский, который приехал в обитель? Журналист Артем Васнев предлагает читателям заглянуть в бездну. Здесь не будет работы редактора, - только чистый поток сознания от молодого автора - федерального журналиста, специального корреспондента МТРК "Мир" Артема Васнева.

Артем Васнев

Клинч

Исаия 1:16-20 «Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите – и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю; если будут красны, как пурпур, – как волну убелю. Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли; если же отречетесь и будете упорствовать, то меч пожрет вас: ибо уста Господни говорят».

Часть первая

Глава 1

Старец

Чёрный куколь с белыми крестами скрывал глаза великосхимника. Воин Христов, а если придерживаться армейской терминологии, то генерал Ангельского войска, перебирал узелки на старых чёрных монашеских чётках, сплетённых по греческому правилу, то есть как у древних пустынных. Касаясь каждого из пятидесяти узелков, про себя он произносил: «Господи, помилуй!» Останавливаясь на трёх янтарных бусинках, которые как бы делили чётки на три

равные части, схимник мысленно читал Иисусову молитву: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных!» Он намеренно использовал слово «нас», а не личное «мя». То есть он просил за всех людей сразу. Эта привычка сформировалась ещё в его первой юности, когда, будучи подростком, он ставил в церкви свечи за упокой, прося Бога за всех преставившихся, за кого помолиться было некому. И вот он сидел в своей келье, в полумраке, размеренно работая левой рукой, теребя узелки и при этом считая молитвы. Когда старые худые пальцы добирались до маленького медного крестика на чётках, на котором по-гречески было выгравировано “Arion Opos”, что переводится как «Святая гора Афон», иссохшие губы с сине-фиолетовой окантовкой едва слышно шептали «Отче Наш».

Старец сидел в кресле, обитом серой тканью, не очень мягком, но всё равно удобном. Преимуществом старого кресла была высокая спинка, которая держала туловище иеросхимонаха в удобном положении. Чернец был человеком немолодых лет и слабого здоровья. Кельей старцу служила комната в маленьком домике у святых врат монастырского скита. Обстановка была предельно простой и незамысловатой. По площади келья была не более пятнадцати квадратных метров. Кроме койки, которая помещалась у правой стены от входа, был ещё аналой с лежащим на нём Евангелием. Рядом с единственным окном стояли стол-конторка и простенький деревянный стул. Здесь обычно сидел писарь,

которому батюшка надиктовывал письма к своим духовным чадам. У стены слева от двери располагался шкаф со свято-отеческой литературой и книгами для исполнения утренних и вечерних правил. Кресло, на котором в ночной час расположился схимник, стояло почти посередине кельи. В паре метров от него, напротив, стояло более дорогое кожаное кресло. Оно предназначалось для почётных гостей мужского пола, женщинам в скит проход был закрыт. По понятным причинам в столь позднее время кожаное кресло пустовало. Единственным украшением кельи были многочисленные старинные иконы, развешанные по стенам. Из правого угла от окна на иеросхимонаха строго взирал Спаситель. Рядом с Нерукотворным образом Спаса располагался лик Иверской Божьей Матери. Это была самая любимая икона старца. Перед ней он часами простаивал на коленях, прося заступничества для себя и Русской Церкви, а также мира и благоденствия для России. Ещё один из примечательных образов – это лик святого великомученика Пантелеймона. Эта икона была написана на Афоне и специально привезена в помощь старцу, нёсшему тяжкий крест болезней. Только молитва целителю Пантелеймону помогала схимнику на время высвободиться из крепких лап многочисленных недугов. Только молитва давала силы жить, когда лекарства и пилюли бездействовали. Семь лет назад из-за кровотечений, связанных с геморроем, старый монах настолько ослаб, что утратил возможность самостоятельно ходить и значительное

время передвигался с помощью келейников. К тому же он мучился от перемены погоды. Частые тяжёлые простуды были его верными спутниками. Старец сам говорил: «Жару и холод равно не выношу. В меру только один семнадцатый градус, а выше и ниже дурно влияет». В зимнее время простудную хворь ему приносили многочисленные посетители, которые, не обогревшись, входили к нему прямо с улицы. Воин Христов мучился также расстройством желудка. Даже небольшое количество пищи вызывало у него рвоту. А съедал схимник ровно столько, сколько может съесть трёхлетний ребёнок. Он как-то писал одному знакомому архимандриту: «Болезненные прижимки во всём теле есть, и от холоду, и от невольного голоду. Много вещей есть, да многое нельзя есть. Слабый желудок и неисправные кишки не дозволяют. Впрочем, по старой привычке, я всё-таки понуждаюсь есть, хотя после и приходится большую тяготу понести от головной боли и от рвотной доли». А ещё старца мучила потливость, бельё и носки приходилось менять несколько раз на день. Кроме того, некуда было деться от постоянной слабости и тяжести хоть малое время стоять на ногах. Перечисленные недуги лишали старца возможности совершать Божественную литургию, что заставляло иеросхимонаха горько скорбеть. Доктора, навещавшие болящего, всегда говорили, что его болезни особенные. «Если бы вы спрашивали меня о простом больном, – говорил один из них, – я бы сказал, что остаётся полчаса жизни, а он, может быть, про-

живёт и года». Старец не отказывался от медицинской помощи. У себя в келье он имел полочку со множеством лекарств, но надежду на облегчение страданий плоти целиком и полностью возлагал на Бога. Когда становилось невыносимо, по просьбе великосхимника в келье служились молебны перед чудотворными иконами Божией Матери, которые приносились по этому случаю из других святых мест. Однажды в один из тяжелейших моментов у него невольно вырвались слова, которые хорошо запомнили все находящиеся рядом монахи: «Если я скажу иногда про своё здоровье, то только часть. А если б знали всё, что я чувствую... Иногда так прижмёт, что думаю, пришёл конец». Когда же болезни ослабляли своё угнетающее давление на батюшку, он даже подшучивал сам над собой, часто говоря: «Терпел Моисей, терпел Елисей, терпел Илия, так потерплю же и я».

И вот, в эту июньскую ночь, когда температура остановилась на комфортной для схимника семнадцатиградусной отметке, и состояние, как казалось, было относительно нормальным, по телу старца пошла волна нервной дрожи. Эта тряска, поднимаясь от ног, заставляя вибрировать тело, в итоге добралась до седой головы, покрытой чёрным капюшоном с белыми крестами. В висках ощущалась сильная пульсация. Старый монах отчётливо чувствовал, что его голова раздувается изнутри, ему казалось, что черепная коробка вот-вот лопнет. В эту же секунду дрожь добралась до кончиков пальцев. Непослушная левая рука выронила четки. И

они едва слышно упали на деревянный пол, который имел привычку сильно скрипеть, но только тогда, когда по нему ходили. Схимника бросило в жар. А потом вдруг стало холодно. Исподнее сильно вспотело. В келье отчётливо пахло адреналином. Батюшка знал причину своего сильного волнения. Он наклонился и поднял с пола свои чётки. Попытался было продолжить молиться с их помощью, но что-то или кто-то ему решительно мешали, путая мысли. Старец посмотрел налево. На стене, там, где стояла его кровать, тикали старинные часы. Хронограф показывал время – без пяти час. Значит, осталось всего пять минут. Его снова обдало жаром, а потом опять мороз по коже. Он ждал сегодняшнюю ночь, ждал, наверняка представляя, что она будет для него страшной, полной испытаний. «Эта “Чаша” не минует меня», – сокрушался монах. Старец попытался себя успокоить: «На всё воля Божья, слава Богу за всё». Но толку от этого было мало. Волнение не покинуло его, а лишь усугубилось. А когда он вспомнил свой вчерашний ночной кошмар – стало совсем не по себе...

Глава 2

Сон великосхимника

А накануне снилось великосхимнику следующее. Он чётко запомнил гул, от которого закладывало уши. Старец сидел в кресле, пристегнутый ремнём. Через стекло в малень-

ком окошке он видел тяжёлые грозовые облака, казалось, что до них можно было дотянуться рукой. Кроме того, он видел крыло, но в отличие от птичьего оно не ходило вверх-вниз, а слегка подрагивало от набегающих потоков воздуха. «Железная птица», – подумал схимник. О таких в своей книге писал ветхозаветный пророк Ездра. И эта гигантская, многотонная «птица» летела на высоте десяти тысяч метров над землёй на огромной скорости. А он находился в её просторном чреве. Схимник отвлёк взгляд от окошка и обратил внимание на два длинных ряда кресел. Сам он сидел ближе к хвосту. Увиденное поразило его. На первых девяти креслах сидели одетые в красные балахоны существа. По левую сторону от прохода, из-за спинок кресел выглядывали пять голов в конусообразных колпаках. По правую сторону торчали ещё четыре острых конуса. «Красные» сидели спиной к монаху, не оборачиваясь, как будто им не было до него никакого дела. Перед странными пассажирами, между рядами, стоял престол, покрытый красной же атласной материей. На столе покоилась золотая чаша. Сквозь рёв слышалось синхронное бормотание. Их язык был непонятен схимнику. Было похоже, что «красные» участвуют в каком-то тайном обряде или коллективном молении. И всё же одну фразу старец разобрал. «Конусы» в один голос сказали: «Князь Мира, Повелитель наш, ждём тебя!» Чернеца пронзил ужас. Он в испуге посмотрел на облака и прокричал: «Силы Небесные, Господи, Заступниче мой, не оставь меня! Богородице, Дево

Преблагая, спаси мя! Не хочу смерти грешника, но только Царствия твоего желаю, Отче!» Но первыми на крик старца отреагировали «красные». Они повернулись в его сторону. У каждого в колпаке были прорези для глаз, и они горели огнём. «Заткнись!» – скомандовали в один голос злые духи. И снова отвернулись, продолжая бормотать ещё громче и как-то нараспев. Схимник хотел было произнести ещё одну молитву, но понял, что онемел. Языка во рту не было вовсе. Старца охватила такая паника, которой он никогда не испытывал раньше. Он закрыл глаза и вдруг подумал, что это всего лишь сон. Известный факт, что к монахам и монахиням в сновидениях приходят разнополые демоны – суккубы и инкубы. Они искушают монахов во сне. Батюшка попытался выбраться из сновидения. Он открыл глаза в надежде, что кошмар прекратится. Но подняв веки, он обнаружил себя сидящим всё там же, в чреве «железной птицы», летящей сквозь грозу. Девятеро злых духов замолкли. И тут началась мощнейшая тряска. Страшная сила то подбрасывала вверх, то опускала вниз многотонную конструкцию. В нос ударил едкий запах разложения. У престола с золотой чашей из воздуха материализовался одиннадцатый пассажир. Вновь прибывший в чёрном балахоне был огромного роста. Около двух метров. Его голова, скрытая под капюшоном, касалась потолка. Вместо лица была чернота. Видны были только драконьи глаза, в которых пылало адское пламя. За спиной у него были сложены перепончатые крылья.

«Красные» в момент явления Повелителя раболепно сложили головы. К слову, на их приветствие он никак не отреагировал. Его взгляд был устремлён мимо них, в сторону хвоста «железной птицы». «Враг рода человеческого», – определил появившегося схимник. Сатана, как он есть, как о нём писали в ветхозаветных текстах. Падший, некогда красивейший и умнейший Ангел, предстоящий у Престола Творца. Тот, что возжелал власти равного, искусивший прародителя нашего Адама и жену его Еву, низвергнутый из Рая на Землю. Обречённый на вечное одиночество, хоть и в компании своих приспешников, тех же падших ангелов, последовавших за ним. Также схимник понял, кто так ждал появления Дьявола. Конусы – это девять высших демонов. Предводители 9 демонских чинов. Старец знал, что в противовес девяти ангельским чинам – Ангелам, Архангелам, Силам и Серафимам – есть столько же чинов адовых. И вот командиры Ада, ждущие команды “взять” от своего Верховного Повелителя, и сидели в чреве “железной птицы”. Вот что увидел наш мучимый кошмаром старый монах. Он уже занёс руку со сложенными перстами и был готов осенить себя крестным знамением, но не успел. Князь Тьмы своим перепончатым крылом задел чашу. Она с грохотом упала на престол. Из неё начала вытекать густая красная жидкость. По красной атласной скатерти стало расползаться бурое пятно. Это была кровь. Настоящее море крови. И оно должно было затопить всё ограниченное пространство. Раздался отвратитель-

ный громогласный смех, и Сатана растаял в воздухе, исчез, как мираж. Кровь меж тем лилась из чаши, как горная река. Старец уже чувствовал, что его ноги в сандалиях стоят в чём-то липком. Страх парализовал его волю. В сердце кольнуло. Отбытие Дьявола стало сигналом для его слуг. «Красные» приготовились к атаке. Одновременно из девяти конусообразных колпаков, как из яиц, стали выползать огромные змеи. Пустые балахоны опали на кресла, а вылупившиеся из них девять жирных и длинных гадюк, шипя и извиваясь, поползли по кровавому полу в направлении схимника. Между тем кровь всё прибывала, мантия старца уже по пояс погрузилась в красное море. Змеи также исчезли в нём, нырнув на глубину, и было件нятно, что они уже где-то рядом. Готовые жалить, вгрызаться острыми зубами в тело монаха, впрыскивая смертоносный яд, который спровоцирует медленную и мучительную смерть. И тут произошло самое неожиданное. «Железная птица» стала заваливаться носом вниз. Так что кровавое море ненадолго отступило от кресла, в котором сидел великосхимник. Началось свободное неконтролируемое падение. Стало ещё страшнее. А тем временем кровь из чаши полилась ещё сильнее, хотя самого золотого сосуда уже не было видно, он давно утонул. Старец был в жидкости уже по грудь, когда почувствовал, как что-то склизкое обмотало его ногу. Так же инстинктивно в этот момент он определил, что до земли остаются какие-то сто-двадцать метров. Через секунду багровая волна накрыла голову схимника. Кровавое

море поглотило его в тот момент, когда «стальная птица» ударилась о землю. А дальше – чёрная пустота. В этот момент батюшка проснулся. От собственного вскрика. Он лежал в келье на койке. Вспотел. Тяжело дышал. Он так и не понял, от чего погиб во сне. От ядовитого укуса жирной гадюки? Захлебнулся кровью? А может, его разорвало на куски после удара о землю? Может, он погиб от всего сразу? Одно было ясно – он умер. «Господи, помилуй!» – многократно прошептал измученный видением старец. Монах лежал, уставившись в потолок, переваривая ощущения от кошмара, и всё пытался разгадать смысл сна. Хотя, в общем-то, всё было приблизительно ясно. Его размышление прервал шёпот. И на этот раз он звучал наяву. «Завтра в час ночи жди гостей, старик. Я заберу твою душу!» – прошипел кто-то из темноты. Старец был не робкого десятка, десятилетия подвижничества закалили его. Но сердце сжалось. Такой была прошлая непростая ночь. И вот теперь, спустя почти сутки, за окном опять стало темно. И как было сказано выше, старец сидел в своём сером кресле посреди кельи и напряжённо ждал. Думал и, что греха таить, – боялся. Он ещё раз посмотрел на часы. Без двух минут час. Сто двадцать секунд отделяли монаха от самого тяжелейшего испытания в его жизни. Сто двадцать секунд – это так мало. «Боже, Боже, Боже Мой, уповаю на Тебя!» – произнёс в тишине великосхимник. Описать смятение в его душе крайне сложно, слова подобрать подходящие – задача просто-таки невыполнимая.

Глава 3

Первая ночь

Наш старый монах вполне оправданно носил генеральский чин Христова Воинства. Схиму свою он считал доспехами, дарованными ему Иисусом Христом. Носил он их со страхом Божиим. О становлении и подвижничестве старца, имя которого мы пока не называем, и делаем это сознательно, будет рассказано ниже. Сразу скажем, что батюшка – один из великих святых, подвизавшихся в любви к Богу и служивший ему до последнего своего вздоха. Это один из тех легендарных старцев, которые во всю тысячелетнюю историю Русской Церкви были опорой правителям, воинству и мирянам. Также пока читателю до конца неясно, в каком столетии разворачивается наше повествование. В какой обители происходят события. Но, как говорится, всему своё время. Итак, мы слишком надолго оставили в одиночестве нашего героя. Так что пора вернуться в келью, где часы только что пробили час. В этот момент пальцы схимника остановились на маленьком крестике на чётках. «Отче...» – не успел прошептать старец, как пространство комнаты заполнил запах серы. Лампада перед ликом Иверской Божьей Матери погасла. Боковым зрением монах увидел, как на маленький язычок пламени налетел ветерок. Перед старцем, сидящим в своём кресле, выросла зеркальная стена толщиной в

несколько миллиметров. Иеросхимонах увидел своё отражение. Ещё через секунду по стене поползли трещины, нарушенная структура прекратила своё существование, и на пол осыпались многочисленные осколки. После этого какая-то неведомая сила стала притягивать битое стекло друг к другу, словно это были магниты. Из битых осколков начала расти фигура. Через короткое время перед монахом в кожаном кресле появился ребёнок из битого стекла. Затем стеклянный скелет начал обрастать плотью. Так что в итоге напротив старца появился отрок. Живой. Это был мальчик лет двенадцати. Его лицо было правильной формы. Глаза карие, уголки их слегка опущены вниз, бровки, если посмотреть на них внимательно, домиком. Губки пухлые. Вполне себе портрет благообразного ребёнка. Мальчик молча улыбался. Но что-то в этой улыбке было не так. А чёрные глаза его сверлили схимника, и казалось, что этот отрок проникает в самую душу монаха, пытаясь расставить там всё по-своему. Безмолвная пауза затянулась где-то секунд на тридцать. Удивление от первого впечатления прошло. Батюшка, ранее крайне взволнованный, теперь перевёл дух. Какая может быть угроза от улыбающегося мальчишки? Но старец знал, что всё не так просто. Всё дело в том, что он узнал это лицо. Несколько десятилетий назад он видел его в зеркале. Это было его собственное лицо. Эту мысль старца прервало тошнотворное приветствие мальчугана: «Ну, здравствуй, старче тюрьмославный!» – сказал отрок. Приветствие больно резануло

по ушам. Голос у ребёнка был необычный, и сама фраза прозвучала своеобразно. Слова «ну, здравствуй, старче» были сказаны прокуренным басом, а слово «тюрьмославный» было похоже на тончайший писк или ультразвук, которым общаются дельфины. Вот почему эта фраза так подействовала на схимника. Монах промолчал и продолжил смотреть на своего собеседника. Между тем “зеркальный мальчик” заговорил снова уже обычным голосом. Глаза его блеснули. Отрок уже говорил как обычный ребёнок, но голос его был поставленным.

«Узнал меня? – спросил ночной гость. – Даю подсказку! Аз есмь старший среди младших!» – заржал отрок. Опытный схимник, конечно же, знал, кто сидит перед ним. Один из девяти “красных конусов” из сновидения, одна из жирных гадюк, один из злых Духов, – один из заместителей Князя Тьмы, Врага рода человеческого. Старец, собрав волю в кулак, начал зачитывать душеспасительную молитву: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его. Яко исчезает дым да исчезнут; яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси...» В этот момент лицо зеркального отрока перекошило. Его рот стал огромным – от уха до уха, пасть разверзлась и показались жёлтые зубы. С верхних клыков до нижних, словно тонкая паутинка, тянулась вязкая слюна. Демон явил своё естество – тело отрока лопнуло, словно тряпичная кукла, проступила сильная звериная плоть. Ребёнок в кресле превратился в огромного

роста сгорбленного монстра, достающего рогами до потолка кельи. «Заткнись!» – проревел демон. Его зычный глас был настолько силён, что воздух искривился, и на старца пошла волна; так бывает, когда кидаешь камень в воду, и по воде идут круги, и вот теперь похожими кругами поплыла волна воздуха в лицо старого монаха. Также одновременно в нос батюшки ударил гнилостный запах. Схимник почувствовал во рту привкус железа. Было ощущение, что по языку кто-то полоснул бритвой, и рот наполнился кровью. «А теперь, старче тюрмославный, молчи и слушай, – сказал злой дух. – Тот, для кого ты каждый день, кочевряжась, стоишь на коленях, бьёшь поклоны, возносишь хвалу, – Ему плевать на тебя. Что же он сейчас не приходит к тебе на выручку, а? Да потому что ему плевать на тебя. Он договорился с моим Хозяином, Господином Мира – мы будем мучить тебя, старик, и в конце концов заберём твою душу. Ну, скажи, ты, старый идиот, где твои Силы Небесные? Почему не защитят тебя? Где это бесстрашное, сильное войско? Где все эти ангелы и архангелы? Всем плевать на тебя. Мы тут вдвоём. Даже твой людишка-келейник спит. Я могу сейчас же вырвать твоё дряхлое сердце, но зачем же лишать себя удовольствия помучить тебя, поиздеваться над тобой всласть? Давай только договоримся, что ты не будешь произносить свои бесполезные речёвки, не будешь ручонками своими шевелить и креститься. Хотя мне это не особо вредит, я ж тебе не рядовой бес, я могу согнуть в бараний рог золотой крест для

ваших богослужений. Признаюсь, книжонку главную вашу мне видеть противно. Ты знаешь, старче, сколько грешного народца я затащил в пекло? Они мои, до кончика каждой их мерзкой волосинки, – пьяницы, развратники, содомиты, сребролюбцы, взяточники... О, да! Как же я люблю смотреть, как они ежедневно грешат, радуют Ад. А мы ведь их ждём с нетерпением и в один момент, “неожиданно быстро” забираем их жизни. А ты давай, старый урод, не крестись, а то повырываю ручонки, обглодаю с них мясо твоё вяленое и засуну тебе твои костяшки сам знаешь куда. Так что не крестись – мне это просто не нравится, противно смотреть, как ты страдаешь ерундой. Договорились, старик?»

Глава 4

Демон называет имя

Возникла пауза. Схимник чувствовал, что сильный вампир забирает его жизненные силы. Может, это снова сон? Да нет, монах понимал, что не спит. С момента появления первого из “красных конусов” прошло совсем мало времени. Схимник посмотрел на часы на стене – пять минут второго, монах в бессилии закрыл глаза. «Боже, – подумал батюшка, – за что мне это?» Куколь с белыми крестами, скрывавший лицо старца, в этот момент был как забрало рыцарского шлема. Генерал Ангельского Войска понял, что Господь выбрал его как ветхозаветного Иова. Это была великая честь, но это бы-

ли муки, которые обычный человек не мог вынести – наш батюшка плакал. Это был его последний бой с самим Сатаной – это была плата за Веру. Ведь скольким наш великосхимник помог – сколько душ, заблудших овец, он вернул в стадо Авраамово. Скольких людей личным примером он вдохновил на борьбу с искушениями. Клинч. Так в боксе называют момент боя, когда бойцы схватываются мёртвой хваткой, одновременно изматывая противника и в то же время экономя силы. Этими “человеческими тисками” можно описать борьбу добра и зла, которая происходит в душе каждого из нас. Только в этом условном клинче за спиной человека стоит один чёрный и рогатый, а другой белый с крыльями. А вместо боксёрского ринга – душа. Размышления схимника прервал страшный рёв. Демон никуда не делся. Он был здесь.

– Ты опять сказал “Боже”?! Ты меня достал, старик! Конец тебе, идиот ты старый!

– Не боюсь, – ответил схимник, мысленно готовясь к смерти.

– Я скажу тебе своё имя, дурак ты старый, – зашипел Демон.

– Все в руцех Твоих, Господи; в Гефсиманском саду ты разговаривал с Отцом Своим и просил отвести от себя “Чашу сию”, я же недостойный раб Твой, прошу – дай мне её испытать сполна!

– Уважаю сильных противников, – сказал Злой Дух, – моё

имя Абаддон. Всё, что касается войн – моя зона ответственности. Я обожаю, когда льётся кровь. Сейчас я покажу тебе яркие картинки смертей, это недалекое будущее, приготовься лить крокодилы слёзы.

А дальше стены кельи стали исчезать. Запахло морем. Это был берег Средиземного. На песчаном берегу стояли два знакомых нам кресла, на которых сидели старец и Абаддон, превратившийся теперь в красивого араба в чёрной военной форме. Он улыбался. На сей раз у него были фарфоровые ровные зубы. И они блистали в лучах солнца, уходившего на запад.

– Сейчас я кое-что покажу тебе, старик, как я сказал, это не такое уж далекое будущее. В тех местах, где ходил ваш Мессия; так скажем, в колыбели вашего хвалёного христианства будет страшная война! А самих христиан будут убивать пачками.

Демон злобно расхохотался. Справа от старца показались рыжие пятна, а вместе с ними чёрные. Сердце иеросхимонаха сжалось в очередной раз. Душа продолжила плакать. Он понял. Чётко осознал. Абаддон явит ему казнь братьев – христиан...

Глава 5

Абаддон и багровый отлив

Абаддон был одним из адова генералитета. Он был умён.

Ему нравилось тонкое истязание, так сказать, дьявольские шахматы – игра с душой схимника.

Они сидели в своих креслах на берегу Средиземного моря, перенесясь в духе в будущее. Старец немощной рукой перебирал свои чётки. Абаддон, превратившийся в полевого командира ИГИЛ, люди нашего времени знают, что значит эта страшная аббревиатура, вырвал чётки из рук монаха. “Демон войны” решил показать нашему старцу страшную казнь христиан-коптов, которая произошла на ливийском берегу Средиземноморья в феврале 2015 года.

– Давайте, готовьте свои ножи, мои славные головорезы, – проговорил в рацию Абаддон. – Надо нам потрепать психику нашего достопочтенного старика из лохматого 19-го века. Пусть посмотрит, что будущее – наше! Мы короли, нет, мы боги войны! Война пожрёт этот мир. И он захлебнётся кровью. И вонь разложения, и гарь, и плач вдов сотрясёт небеса. Давайте, псы войны, воины мои Ада, ведите пленников!

У старца защемило в груди. Он видел, как приближаются пленники в рыжих робах и их палачи. Абаддон в этот момент улыбался. На его клыках появилась кровь. Злой дух посмотрел в сторону террориста с видеокамерой. И тут же бросил схимнику:

– Знаешь, старик, в этом 21-м веке будут устройства, которые смогут фиксировать происходящее, но слово «видеокамера» тебе мало о чём скажет, также как интернет, – оскалился Абаддон и продолжил: – Смысл в том, что эту крова-

вую казнь, этот “багровый отлив” увидят все люди на земле. Звериные души моих подопечных уже жаждут крови. Так что не будем откладывать представление.

В этот момент 21 христианин встал на колени на берегу. За спиной у каждого стоял палач с ножом. Пленники опустили головы. Лица террористов скрывали балаклавы. Главарь заявил, что эта показательная казнь – послание всему сообществу Христа. Предупреждение. Абаддон скомандовал командиру, мол, давай – говори! И главарь сказал на арабском, но старец понял всё до последнего слова: «О, люди! Вы увидели нас на холмах Леванта и в долинах Дабика, когда мы попирали головы тех, кто несёт иллюзию креста и питает ненависть к исламу и мусульманам! Сегодня мы, находящиеся к югу от Рима, на земле ислама, в Ливии, шлём вам новое послание: о, крестоносцы! Если вы все воюете с нами, то и мы будем воевать против всех вас до тех пор, пока не сложит война свои тяготы и не придёт Иса (мир ему!) и не сломает крест, убьёт свинью и наложит джизью! А это море, в котором вы скрыли тело шейха Усамы бен Ладена (да примет его Аллах!), – мы поклялись Аллахом загрязнить его вашей кровью!»

Слёзы разделили на три части лицо старца. Он понял, что сейчас начнётся ужас. В этот момент кровь фонтаном вырвалась из двадцати одной шеи, захрустели под лезвиями позвонки. Старец смотрел на это с такой горечью, он лишь успел прошептать: “Помяни, Господи, во Царствии Своем

души новопреставленных рабов твоих!” Кровь мучеников за веру тем временем смешивалась с солёными водами Средиземного моря. В рот великосхимника затекли его собственные слёзы, и он так же отчётливо почувствовал вкус соли. Он видел своим взглядом прозорливца, что палачи суть демоны, черти из орды рабов Абаддона. А сам хозяин, превратившись в гадюку из сна, пополз, чертя глубокий извивающийся след на песке, к тому месту, где лежали обезглавленные тела коптов. Батюшка посмотрел в небо – в облака поднимался двадцать один ангел. Потом перевёл взгляд к горизонту. Там в море он увидел лодку, в которой сидел Ловец душ человеческих – апостол Пётр. В руках его была сеть. Через минуту в ней оказалась жирная гадюка. А молнией спикировавший с неба Архистратиг Божий Михаил разрубил своим щитом змею напополам. Всего этого террористы не видели. Им просто не дано было это всё увидеть. Они сделали своё коварное дело, отсняв страшное послание на видео. Тут же старец очнулся в своей келье. Воин Христов продолжал плакать. Ему было жаль тех несчастных коптов, кроме того, он понял, что впереди война, в которой будут тысячами гибнуть христиане. Старец снова услышал голос откуда-то из угла кельи: “Это была только разминка, старик! Завтра жди другого моего генерала Ада. Мы замучим тебя, схимник! Мы вырвем твоё сердце с корнем! Ты будешь просить быстрой смерти, но мы будем издеваться над тобой, старая ты развалюха, и твой Бог тебе не поможет. Кстати, Абаддон, нормально се-

бя чувствует. Он греется на своём огненном троне, рядом со мной. А кто я, ты, думаю, понял. Так что жди!”

Эта ночь отняла у великосхимника огромное количество духовных сил. Его хватило лишь на то, чтобы произнести: “Господи, помилуй!” В этот момент начался перезвон монастырских колоколов. Схимник тяжело выдохнул. Так к батюшке пришёл первый из «красных конусов» из его сна. И это была только первая ночь. Оставалось ещё восемь. Как было сказано выше – колокола осенили монастырь своим звоном, и Демон исчез. Забрезжил рассвет.

Глава 6

Весть о госте

К старцу заглянул келейник и сказал, что в монастырь прибыл писатель. Старец был совсем без сил, но распорядился принять гостя. В девять утра. После исполнения утренних правил. Схимник попросил принести чаю с двумя кусочками сахара. Старец остался в келье один. Крепкий чай на время придал сил. Мысли обгоняли одна другую. Батюшка нащупал на полу свои чётки. Абаддон вырвал их из рук для того, чтобы показать свою силу и неприязнь. Но он вернулся в Ад, унеся с собой добрую часть жизненных сил праведника. Наш герой думал, кому он сможет рассказать о пережитом, и пришёл к выводу, что лишь один Бог – свидетель его мучений. Если он попустил такое испытание под закат жизни, значит, так оно и надо. Схимник всегда полагался на Бо-

жий промысел. Роптать монах не привык. Он нашёл своими худыми пальцами крестик на чётках и уже спокойно прочитал сначала “Отче наш”, а потом и Иисусову молитву. Это вместе со сладким чаем придало нашему герою сил. Батюшка встал с кресла и потом рухнул на колени перед многочисленными образами. Молился великосхимник минут пятнадцать. В дверь постучали. Монахи поутру пришли просить благословение. Начали служить утренние правила. Батюшка вновь занял место в своём кресле. Подпитка жизненными силами, полученная от чая и слёзной молитвы, закончилась. Старца знобило. Кроме того, боль сковала грудь. Так что келейник дал выпить таблетку и чайную ложку раствора против кашля. В семь часов старец снова попросил оставить его одного. Аппетит так и не пришёл. От завтрака батюшка отказался. Он хотел оставшееся до прихода гостя время провести в постели. Глаза закрывались сами собой, в ногах чувствовалась усталость, голова предательски болела, а надо было встречать писателя.

Глава 7

Второй дурной сон старца

Старец провалился в глубокий сон. Веки сомкнулись так быстро, что иеросхимонах не успел обдумать и переварить пережитое ночью. Он видел себя теперь в родительском доме, в то время, когда был ещё мальчиком. Его взору открылось крыльцо со ступенями, и он шёл вглубь дома в комнату

брата. Он боялся, что помешает ему, поэтому остановился у двери и стал напряжённо слушать. В комнате было слышно, как тяжело зашёлся кашлем его старший брат. Его мучила чахотка. «Ваня, могу я войти?» – спросил он. И, не дожидаясь ответа, толкнул скрипучую дверь. Первое, что он увидел – это измученное желтоватое лицо с залёгшими под глазами синяками. Грудь брата ходила вверх-вниз, и в ней kloкотало. Рядом с кроватью стояла тумбочка, на ней графин и стакан. «Саша, дай водички», – едва слышно прошептал брат и снова закашлялся. «Сейчас, Ваня, сейчас», – сказал младший. Он подал брату воды. Тот пил так жадно, как будто это был его последний глоток воды, а вместе с тем и жизни. «Как ты?» – спросил будущий старец Нил, а сейчас просто испуганный мальчик Саша Востров. «Знаешь, Саша, я сегодня умру, но я не боюсь, я иду к Господу Нашему. Первое, что сделаю, когда предстану перед ним, – паду ниц и, если Он позволит, поцелую край одежды Его. Единственное, о чём кручинится моё сердце, что оставляю тебя одного, но ты сильный, ты ещё всем докажешь, что ты крепок, только об одном прошу, Саша, береги себя. Знаешь, кем ты будешь? Ты будешь... – снова брат захрипел, так и не закончив фразу. – Прости, братец, совсем я ослаб», – закончил мучительный для себя монолог брат Иван. Саша с горечью посмотрел на брата, поправил одеяло и, чтобы брат не видел его слёз, бросился на улицу. Он не отреагировал на окрик матери и помчался к реке. Он бежал быстро, он хотел, чтобы это его

сердце остановилось, а не брата. Прибежав на берег и поняв, что сердце не лопнуло от такой недетской нагрузки, он нырнул в прохладную воду, перевернулся на спину и стал смотреть в небо. В глаза заливалась вода, но Саша все равно видел голубое небо с рассыпанными по нему перистыми облаками. И тогда он что есть мочи закричал: «Зачем Ты забираешь его? Возьми меня!» Смена декораций сновидения. И вот старец видит себя уже юношей лет восемнадцати. Он видит себя в роскошном зале. Он дорого одет и вокруг много красивых напомаженных людей в модных сюртуках и платьях. Чувствуется всеобщее волнение. Собравшиеся чего-то ждут. И вдруг появляется красивый длинноволосый иностранец. Саша бросается к нему, желая то ли обнять, то ли поцеловать. Визитёр шарахается в сторону, делая подобие реверанса, и говорит: «Не сейчас, друг мой». Тут же в руках у юноши оказывается хрустальный бокал, в который женская рука в перстнях щедро льёт вино. Саша пьёт вино практически залпом, заливая грудь белоснежной рубашки красным. Ему становится очень хорошо, как будто в вино подмешали опиум. И тут он понимает, что в вине – человеческая кровь. А также до него доходит, что вокруг него вампиры. И вот все эти красивые мужчины и женщины начинают за ним гнаться, чтобы вгрызться в его сонную артерию. А он не в силах от них убежать. Снова смена картинки. Наш старец увидел себя как бы со стороны. Он лежит в своей келье... в гробу. Рядом стоят монахи. Один из них читает Псалтирь. Старец об-

ратил внимание на своё лицо, на нём застыла едва заметная улыбка. Нил видел себя мёртвого ровно минуту, но спустя это короткое время он заметил, опять же со стороны, что он, покойник, открыл белёсые глаза, сорвал с себя саван, и – о ужас! – выпрыгнул из гроба, приземлившись на копыта. После чего стал набрасываться на ошарашенных монахов, разрывая их на куски, жадно глотая их кровь. Последним нерастерзанным оказался келейник. Чудовище своими костлявыми руками сдавило шею молодого послушника. «Батюшка, батюшка!» – взмолился келейник. «Батюшка, батюшка, просыпайтесь!» – уже наяву звал старца склонившийся над ним монашек.

Глава 8

Подвижник и писатель

Старец Нил, вырвавшийся из лап кошмара, был поражён, как ему, глубоко верующему монаху, может присниться такая мерзость. Раньше подобная гадость ему никогда не являлась во сне. «Что-то идёт не так», – подумал схимник. Его размышления прервал келейник Афанасий. «Как себя чувствуете, батюшка? Завтракать изволите?» – поинтересовался послушник. «Пожалуй, съем одно яичко. И кусочек чёрного хлеба. Ах, да, и принеси, голубчик, ещё чаю», – попросил старец. Монашек скрылся за дверью. Схимник посмотрел на старые часы на стене. Восемь сорок пять. Через пятнадцать минут придёт гость. За завтраком старец хотел проанализи-

ровать произошедшее ночью. А заодно понять, к чему приснился этот дурной утренний сон. Вошёл Афанасий. Он поставил на столик перед кроватью варёное яйцо, два кусочка чёрного монастырского хлеба и чай. Послушник поклонился и вышел. Старец взял в руки яичко и стал крутить его, изучая едва заметные крапинки на коричневой скорлупе. Ему вспомнилась евангельская история о том, как равноапостольная Мария Магдалина пришла к римскому императору Тиберию и явила чудо – передала царю белое яйцо, которое в его руке тотчас стало красным. Красный цвет, кровь, единокровный брат Иван, вино... к чему это всё снилось, размышлял старец. Красный – цвет монархов, мелькнуло в голове у иеросхимонаха. Тиберий... «Российский царь в опасности!» – почувствовал старец. Но что ему грозит? И о каком царе идёт речь? В этот момент схимник стукнул яйцо об угол столика. Батюшка съел принесённый ему завтрак, выпил чаю. После чего встал на колени и минут пять молился. Однако в голове пульсировало – царь, царь, царь. Нил встал с колен и снова сел в своё кресло. Часы пробили девять. В дверь постучали. На пороге появился Афанасий. Послушник отступил в сторону, приглашая гостя. В келью вошёл довольно ещё молодой человек. На вид ему было около сорока лет. Сложения он был худощавого. Наружности приятной. Старец жестом предложил гостю сесть в кожаное кресло напротив. Однако молодой писатель сначала сложил руки и попросил благословения. После чего сел, поспешив представиться.

– Здравствуйте, батюшка. Сергей Фёдорович Лужинский.
Писатель, – отрекомендовал себя гость.

– Откуда к нам прибыли, Сергей Фёдорович? – спросил старец.

– Из столицы.

– Надолго ли?

– Неделя у меня, всего неделя, батюшка.

– Над чем работаете теперь? – поинтересовался схимник.

– Задумал роман. Идея в том, что есть некий старец, которому Господь под закат жизни посылает испытания. Но это общая канва, деталей пока не придумано. Я, признаться, в тупике.

– Значит, я вам нужен для того, чтобы более подробно составить портретный образ вашего героя?

– Мне интересно было с вами познакомиться и просто так. Идет слава о вас как о великом святом и провидце.

– Но это скорее всего преувеличение, Сергей Фёдорович. Что мучит вас?

– Я слаб в Вере своей, батюшка.

– Так все мы немощны. Нас Господь ежедневно испытывает, посылая нам скорби, чтобы мы не роптали, а были словно воины. Сражались со своими страстями, боролись, чтобы в конечном итоге унаследовать Царствие Небесное, – ответил старец Нил.

– Батюшка, а вдруг Царствие Небесное и Ад лишь вымысел? Принять на веру-то их существование просто, а вот

умом понять, разложить по полочкам в голове – сложно.

– Вы, друг мой, прежде всего человек и вам свойственны сомнения. Но, поверьте мне, Сергей Фёдорович, что, получив доказательства существования, взять хотя бы Ада, вы бы пожалели об этом. Верите ли вы в добро и зло? Есть ли они на свете?

– Конечно. Это неоспоримый факт, – отозвался писатель.

– Тогда я вам так скажу, что Господь открывает себя человеку через познание добра и зла в себе. Если ты добр – значит, с Богом. Если зол, то радуешь бесов.

– Вот вы, подвижник, столько лет отдавший служению Богу, можете ли вы мне объяснить, почему Бог попускает войны?

– Потому что человек жесток. Только он способен уничтожать представителей своего вида направо и налево. Потому что слаб человек и поддается на искушения лукавого. Ему хочется денег, власти, территорий. А что остаётся Богу? Как он может противостоять этой жажде греха и желанию смертоубийства? Это опять же к разговору о добре и зле. Есть свобода выбора, чью сторону принять. Но злых людей много, вот и льётся кровь со времён Каина и Авеля, – закончил схимник.

Старец вздохнул. Он понимал, что писатель задаёт второстепенные вопросы, но не подходит к главному. Было у этого человека на уме что-то, что по-настоящему его волновало. Но он так и не решался перейти к откровенному разговору

и пока разминался, присматривался к монаху. А ещё старца Нила удивило, что писатель задумал роман, повествующий об испытаниях, посланных некоему старцу. “О, если бы я мог рассказать ему хотя бы о вчерашней ночи, то произведение господина Лужинского заиграло бы буйством красок”, – подумал схимник.

– Батюшка, скажите, можете вы мне дать совет, какие испытание мог бы Господь послать моему книжному старцу?

– Сложно сказать, надо подумать, Сергей Фёдорович. Но обещаю, что завтра, коль вы располагаете неделей, я вам дам ответ.

– Спасибо, батюшка! Я пойду тогда. У вас, признаться, уставший вид.

– Тяжёлая была ночь, Сергей Фёдорович, вы правы. Давайте тогда завтра в девять. Обещаю вам дать ответ. До свидания.

– До завтра, – попрощался писатель и направился к двери. Келейник Афанасий, проводивший гостя, зашёл к старцу и спросил, какие будут указания. Нил ответил, что хотел бы побыть один. Старец задумался.

Что я могу ему посоветовать? Можно предложить такую историю. Условный старец, служивший Богу десятки лет, вдруг понимает, что обманывался, что Бога в действительности нет. Это созвучно мыслям самого Лужинского. Только мысль эта – зерно, которое посеял в душе старца сам Дьявол. И от этого плясать дальше. Но это, в принципе, не луч-

ший вариант, решил старец. Надо крепко подумать, решил монах, но подумать об этом стоило позже. А ещё Нил понял, что разговор с писателем Лужинским получился каким-то скомканным и куцым. Но старец был после ночи не в лучшей своей форме.

Оставшись наедине со своими мыслями, Нил переключился на анализ прошлой ночи. К нему пришел глава низшего демонского чина. Абсолютно точно, что пережитая с таким трудом ночь, полная страданий, – лишь малая доля испытаний, которые посланы, и что нужно готовиться к более чудовищным трудностям. Нил знал, что равно, как есть девять ангельских чинов, им в противовес существует столько же чинов демонских. Кто придёт за Абаддом? Ещё более сильный демон – это неоспоримый факт. В чьём обличье он явит себя и что покажет? Ничего хорошего, и уж это наверно. Схимник посмотрел на часы – десять утра. Впереди ещё целый день. Что же делать? Как подготовиться к ночи? Надо молиться, слёзно, как в последний раз, решил монах. Он встал со стула, хотел было упасть на колени перед образом Иверской Божьей Матери, но тут вдруг его ноги подкосились и он рухнул на пол. Сознание погасло. Всё вокруг, да и он сам, перестали существовать. Осталась только пустота. На шум примчался Афанасий. Он закрыл рот рукой, чтобы не вскрикнуть. Он увидел старца лежащим лицом вниз. Испуганный келейник кинулся прочь – звать на помощь. Через пять минут явились отец Феофан и иеромонах Силуан.

Афанасия же они отправили за лекарем в город. Монахи, находившиеся в келье, подняли старца и переложили на кровать. Брызнули в лицо святой водой. Силуан набрал в чайную ложку сердечный сбор. В этот момент Нил застонал, приоткрыв глаза, правой рукой касаясь груди. “Милые мои, я уж думал, что отлягу к праотцам, чуть сердце не выскочило”, – хриплым голосом прошептал схимник. Он принял лекарство и снова закрыл глаза. Монахи выдохнули с облегчением. “Батюшка, дорогой, не время вам ко Господу отходить, мы без тебя всё равно как сироты”, – проговорил отец Феофан. “Знаю, братья, знаю. У меня ещё есть здесь дела, дорогие мои. Но истинно говорю вам, скоро, очень скоро я отправлюсь к Создателю”, – отозвался Нил.

Через полчаса явился Афанасий вместе с доктором Хольцем. Эскулап послушал грудь старца и сделал заключение, о котором наперёд уже догадались монахи – сердечный приступ. А симптомы, как мы помним, уже были – старца бросало из жара в холод – верный признак того, что сердце даст сбой. Хольц достал таблетки, наказав Афанасию давать их болящему три раза на дню. Отцу Феофану доктор сказал уже за дверью, что сердце старца очень слабо, что исход вполне определённый и что второго удара больной просто не сможет вынести. Поэтому ему необходим покой. “И заставьте его хоть немного поесть”, – сказал на прощание врач. Отец Феофан тут же направился к игумену, отцу Макарию, рассказать о тяжёлом положении старца. Макарий считал себя

учеником Нила, был его духовным чадом, и эту новость он воспринял с горечью. Макарий решил навестить болящего во второй половине дня. Старец принял первую из пилюль, выписанных немцем Хольцем, и попросил Афанасия почтить ему про страдания праведного Иова. Келейник расположился на стуле у стола-конторки в голове у кровати старца. И начал читать.

“Был человек в земле Уц, имя его Иов; и был человек этот непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла. И родились у него семь сыновей и три дочери. Имена у него было: семь тысяч мелкого скота, три тысячи верблюдов, пятьсот пар волов и пятьсот ослиц и весьма много прислуги; и был человек этот знаменитее всех сынов Востока.

Сыновья его сходились, делая пиры каждый в своём доме в свой день, и посылали и приглашали трёх сестёр своих есть и пить с ними. Когда круг пиршественных дней совершался, Иов посылал за ними и освящал их и, вставая рано утром, возносил всесожжения по числу всех их и одного тельца за грех о душах их. Ибо говорил Иов: «Может быть, сыновья мои согрешили и похулили Бога в сердце своём». Так делал Иов во все такие дни.

И был день, когда пришли сыны Божии предстать пред Господом. Между ними пришёл и сатана. И сказал Господь сатане:

– Откуда ты пришёл?

И отвечал сатана Господу и сказал:

– Я ходил по земле и обошёл её.

И сказал Господь сатане:

– Обратил ли ты внимание своё на раба Моего Иова? Ибо нет такого, как он, на земле: человек непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла.

И отвечал сатана Господу и сказал:

– Разве даром богобоязнен Иов? Не Ты ли кругом оградил его и дом его и всё, что у него? Дело рук его Ты благословил, и стада его распространяются по земле; но простри руку Твою и коснись всего, что у него, – благословит ли он Тебя?

И сказал Господь сатане:

– Вот, всё, что у него, в руке твоей; только на него не протирай руки твоей.

И отошёл сатана от лица Господня.

И был день, когда сыновья его и дочери его ели и вино пили в доме первородного брата своего. И вот приходит вестник к Иову и говорит:

– Волы орали, и ослицы паслись подле них, как напали Савее и взяли их, а отроков поразили остриём меча; и спасся только я один, чтобы возвестить тебе.

Ещё он говорил, как приходит другой и рассказывает:

– Огонь Божий упал с неба и опалил овец и отроков и пожрал их; и спасся только я один, чтобы возвестить тебе.

Ещё он говорил, как приходит другой и рассказывает:

– Халдеи расположились тремя отрядами и бросились на верблюдов и взяли их, а отроков поразили остриём меча; и

спасся только я один, чтобы возвестить тебе.

Ещё этот говорил, приходит другой и рассказывает:

– Сыновья твои и дочери твои ели и вино пили в доме первородного брата своего; и вот, большой ветер пришёл от пустыни и охватил четыре угла дома, и дом упал на отроков, и они умерли; и спасся только я один, чтобы возвестить тебе.

Тогда Иов встал и разорвал верхнюю одежду свою, остриг голову свою и пал на землю и поклонился и сказал:

– Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял; как угодно было Господу, так и сделалось; да будет имя Господне благословенно!

Во всём этом не согрешил Иов и не произнёс ничего неразумного о Боге.

Был день, когда пришли сыны Божии предстать пред Господом; между ними пришёл и сатана предстать пред Господом. И сказал Господь сатане:

– Откуда ты пришёл?

И отвечал сатана Господу и сказал:

– Я ходил по земле и обошёл её.

И сказал Господь сатане:

– Обратил ли ты внимание твоё на раба Моего Иова? Ибо нет такого, как он, на земле: человек непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла, и доселе твёрд в своей непорочности; а ты возбуждал Меня против него, чтобы погубить его безвинно.

И отвечал сатана Господу и сказал:

– Кожу за кожу, а за жизнь свою отдаст человек всё, что есть у него; но простри руку Твою и коснись кости его и плоти его, – благословит ли он Тебя?

И сказал Господь сатане:

– Вот, он в руке твоей, только душу его сбереги.

И отошёл сатана от лица Господня, и поразил Иова проказою лютою от подошвы ноги его по самое темя его.

И взял он себе черепицу, чтобы скоблить себя ею, и сел в пепел вне селения. И сказала ему жена его:

– Ты всё ещё твёрд в непорочности твоей! Похули Бога и умри.

Но он сказал ей:

– Ты говоришь как одна из безумных: неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?

Во всём этом не согрешил Иов устами своими.

И слышали трое друзей Иова о всех этих несчастьях, постигших его, и пошли каждый из своего места: Елифаз Феманитянин, Вилдад Савхейнин и Софар Наамитянин, и сошлись, чтобы идти вместе сетовать с ним и утешать его. И подняв глаза свои издали, они не узнали его; и возвысили голос свой и зарыдали; и разодрал каждый верхнюю одежду свою, и бросали пыль над головами своими к небу. И сидели с ним на земле семь дней и семь ночей; и никто не говорил ему ни слова, ибо видели, что страдание его весьма велико.

После того открыл Иов уста свои и проклял день свой. И начал Иов и сказал:

– Погибни день, в который я родился, и ночь, в которую сказано: зачался человек! День тот да будет тьмою; да не взыщет его Бог свыше, и да не воссияет над ним свет! Да омрачит его тьма и тень смертная, да обложит его туча, да страшатся его, как палящего зноя! Ночь та, – да обладает ею мрак, да не сочтётся она в днях года, да не войдёт в число месяцев! О ночь та – да будет она безлюдна; да не войдёт в неё веселье! Да проклянут её проклинаящие день, способные разбудить левиафана!

– Господи, помилуй! За что такие страдания, Господи, – проговорил старец. – Афанасий, дорогой, дай мне святой водицы напиться, пересохло в горле. Попью, и ты продолжишь, дорогой мой человек, – попросил Нил.

– Батюшка, может, не только воды, но и покушать изволи-те, доктор сказывал, что едва ли не силком вас заставлять, – как-то умоляюще спросил Афанасий.

– Нет, голубчик, не сейчас, вот дочитаешь про Иова и тогда, – стоял на своём схимник.

Келейник подал старцу воды. Тот слегка приподнялся на подушке и жадно выпил содержимое кружки. “Слава Богу за всё, видишь, Афанасий, как Иов многострадальный терпел, а я всего-то в обморок упал, но у меня и года уже, – резюмировал Нил. – Ну, продолжай, родной!” Келейник продолжил:

“Ммм. Да померкнут звёзды рассвета её: пусть ждёт она света, и он не приходит, и да не увидит она ресниц денницы за то, что не затворила дверей чрева матери моей и не со-

крыла горести от очей моих! Для чего не умер я, выходя из утробы, и не скончался, когда вышел из чрева? Зачем приняли меня колени? зачем было мне сосать сосцы? Теперь бы лежал я и почивал; спал бы, и мне было бы покойно с царями и советниками земли, которые застраивали для себя пустыни, или с князьями, у которых было золото, и которые наполняли дома свои серебром; или, как выкидыш сокрытый, я не существовал бы, как младенцы, не увидевшие света. Там незаконные перестают наводить страх, и там отдыхают истощившиеся в силах. Там узники вместе наслаждаются покоем и не слышат криков приставника. Малый и великий там равны, и раб свободен от господина своего. На что дан страдальцу свет, и жизнь огорчённым душою, которые ждут смерти, и нет её, которые вырыли бы её охотнее, нежели клад, обрадовались бы до восторга, восхитились бы, что нашли гроб? На что дан свет человеку, которого путь закрыт, и которого Бог окружил мраком? Вздохи мои предупреждают хлеб мой, и стоны мои льются, как вода, ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мне. Нет мне мира, нет покоя, нет отрады: постигло несчастье.

И отвечал Елифаз Феманитянин и сказал:

— Если попытаемся мы сказать к тебе слово, — не тяжело ли будет тебе? Впрочем, кто может возбранить слову! Вот, ты наставлял многих и опустившиеся руки поддерживал, падающего восставляли слова твои, и гнущиеся колени ты укреплял. А теперь дошло до тебя, и ты изнемог; коснулось тебя,

и ты упал духом. Богобоязненность твоя не должна ли быть твоею надеждою, и непорочность путей твоих – упованием твоим? Вспомни же, погибал ли кто невинный, и где праведные бывали искореняемы? Как я видал, то оравшие нечестие и сеявшие зло пожинаят его; от дуновения Божия погибают и от духа гнева Его исчезают. Рёв льва и голос рыкающего умолкает, и зубы скимнов сокрушаются; могучий лев погибает без добычи, и дети львицы рассеиваются. И вот, ко мне тайно принеслось слово, и ухо моё приняло нечто от него. Среди размышлений о ночных видениях, когда сон находит на людей, объял меня ужас и трепет и потряс все кости мои. И дух прошёл надо мною; дыбом стали волосы на мне. Он стал, – но я не распознал вида его, – только облик был пред глазами моими; тихое веяние, – и я слышу голос: «Человек праведнее ли Бога? И муж чище ли Творца своего?» Вот, Он и слугам Своим не доверяет и в Ангелах Своих усматривает недостатки: тем более – в обитающих в храминах из брения, которых основание прах, которые истребляются скорее моли. Между утром и вечером они распадаются; не увидишь, как они вовсе исчезнут. Не погибают ли с ними и достоинства их? Они умирают, не достигнув мудрости.

Взывай, если есть отвечающий тебе. И к кому из святых обратишься ты? Так, глупца убивает гневливость, и несмысленного губит раздражительность. Видел я, как глупец укorenяется, и тотчас проклял дом его. Дети его далеки от счастья, их будут бить у ворот, и не будет заступника. Жатву его

съест голодный и из-за тёрна возьмёт её, и жаждущие погло-
тят имущество его. Так, не из праха выходит горе, и не из
земли вырастает беда; но человек рождается на страдание,
как искры, чтобы устремляться вверх. Но я к Богу обратился
бы, предал бы дело моё Богу, Который творит дела великие и
неисследимые, чудные без числа, даёт дождь на лице земли и
посылает воды на лице полей; униженных поставляет на вы-
соту, и сетующие возносятся во спасение. Он разрушает за-
мыслы коварных, и руки их не довершают предприятия. Он
уловляет мудрецов их же лукавством, и совет хитрых стано-
вится тщетным: днём они встречают тьму и в полдень ходят
ошупью, как ночью. Он спасает бедного от меча, от уст их
и от руки сильного. И есть несчастному надежда, и неправ-
да затворяет уста свои. Блажен человек, которого вразумля-
ет Бог, и потому наказания Вседержителя не отвергай, ибо
Он причиняет раны и Сам обвязывает их; Он поражает, и
Его же руки врачуют. В шести бедах спасёт тебя, и в седь-
мой не коснётся тебя зло. Во время голода избавит тебя от
смерти, и на войне – от руки меча. От бича языка укроешь
себя и не убоишься опустошения, когда оно придёт. Опусто-
шению и голоду посмеёшься и зверей земли не убоишься,
ибо с камнями полевыми у тебя союз, и звери полевые в ми-
ре с тобою. И узнаешь, что шатёр твой в безопасности, и бу-
дешь смотреть за домом твоим, и не согрешишь. И увидишь,
что семя твоё многочисленно, и отрасли твои, как трава на
земле. Войдёшь во гроб в зрелости, как укладываются снопы

пшеницы в своё время. Вот, что мы дознали; так оно и есть: выслушай это и заметь для себя.

И отвечал Иов и сказал:

— О, если бы верно взвешены были вопли мои, и вместе с ними положили на весы страдание моё! Оно, верно, перетянуло бы песок морей! Оттого слова мои неистовы. Ибо стрелы Вседержителя во мне; яд их пьёт дух мой; ужасы Божии ополчились против меня. Ревёт ли дикий осёл на траве? Мычит ли бык у месива своего? Едят ли безвкусное без соли, и есть ли вкус в яичном белке? До чего не хотела коснуться душа моя, то составляет отвратительную пищу мою. О, когда бы сбылось желание моё и чаяние моё исполнил Бог! О, если бы благоволил Бог сокрушить меня, простёр руку Свою и сразил меня! Это было бы ещё отрадою мне, и я крепился бы в моей беспощадной болезни, ибо я не отвергся изречений Святого. Что за сила у меня, чтобы надеяться мне? И какой конец, чтобы длить мне жизнь мою? Твёрдость ли камней твёрдость моя? И медь ли плоть моя? Есть ли во мне помощь для меня, и есть ли для меня какая опора? К страждущему должно быть сожаление от друга его, если только он не оставил страха к Вседержителю. Но братья мои неверны, как поток, как быстро текущие ручьи, которые черны от льда и в которых скрывается снег. Когда становится тепло, они умяляются, а во время жары исчезают с мест своих. Уклоняют они направление путей своих, заходят в пустыню и теряются; смотрят на них дороги Фемайские, надеются на них пу-

ти Савейские, но остаются пристыжёнными в своей надежде; приходят туда и от стыда краснеют. Так и вы теперь ничто: увидели страшное и испугались. Говорил ли я: дайте мне, или от достатка вашего заплатите за меня; и избавьте меня от руки врага, и от руки мучителей выкупите меня? Научите меня, и я замолчу; укажите, в чём я погрешил. Как сильны слова правды! Но что доказывают обличения ваши? Вы придумываете речи для обличения? На ветер пускаете слова ваши. Вы нападаете на сироту и роете яму другу вашему. Но прошу вас, взгляните на меня; буду ли я говорить ложь пред лицом вашим? Пересмотрите, есть ли неправда? Пересмотрите – правда моя. Есть ли на языке моём неправда? Неужели гортань моя не может различить горечи?

Не определено ли человеку время на земле, и дни его не то же ли, что дни наёмника? Как раб жаждет тени, и как наёмник ждёт окончания работы своей, так я получил в удел месяцы суетные, и ночи горестные отчислены мне. Когда ложусь, то говорю: «Когда-то встану?», – а вечер длится, и я ворочаюсь досыта до самого рассвета. Тело моё одето червями и пыльными струпами; кожа моя лопается и гноится. Дни мои бегут скорее челнока и кончаются без надежды. Вспомни, что жизнь моя дуновение, что око моё не возвратится видеть доброе. Не увидит меня око видевшего меня; очи Твои на меня, – и нет меня. Редееет облако и уходит; так нисшедший в преисподнюю не выйдет, не возвратится более в дом свой, и место его не будет уже знать его. Не буду же я удер-

живать уст моих; буду говорить в стеснении духа моего; буду жаловаться в горести души моей. Разве я море или морское чудовище, что Ты поставил надо мною стражу? Когда подумаю: утешит меня постель моя, унесёт горесть мою ложе моё, Ты страшишь меня снами и видениями пугаешь меня; и душа моя желает лучше прекращения дыхания, лучше смерти, нежели сбережения костей моих. Опротивела мне жизнь. Не вечно жить мне. Отступи от меня, ибо дни мои суета. Что такое человек, что Ты столько ценишь его и обращаешь на него внимание Твоё, посещаешь его каждое утро, каждое мгновение испытываешь его? Доколе же Ты не оставишь, доколе не отойдёшь от меня, доколе не дашь мне проглотить слюну мою? Если я согрешил, то что я сделаю Тебе, страж человек! Зачем Ты поставил меня противником Себе, так что я стал самому себе в тягость? И зачем бы не простить мне греха и не снять с меня беззакония моего? Ибо, вот, я лягу в прахе; завтра поищешь меня, и меня нет.

И отвечал Вилдад Савхеянин и сказал:

– Долго ли ты будешь говорить так? – слова уст твоих бурный ветер! Неужели Бог извращает суд, и Вседержитель превращает правду? Если сыновья твои согрешили пред Ним, то Он и предал их в руку беззакония их. Если же ты взыщешь Бога и помолишься Вседержителю, и если ты чист и прав, то Он ныне же встанет над тобою и умиротворит жилище правды твоей. И если вначале у тебя было мало, то впоследствии будет весьма много. Ибо спроси у прежних родов и вникни

в наблюдения отцов их; а мы – вчерашние и ничего не знаем, потому что наши дни на земле тень. Вот они научат тебя, скажут тебе и от сердца своего произнесут слова: «Поднимается ли тростник без влаги? Растёт ли камыш без воды?» Ещё он в свежести своей и не срезан, а прежде всякой травы засыхает. Таковы пути всех забывающих Бога, и надежда лицемера погибнет; упование его подсечено, и уверенность его – дом паука. Обопрётся о дом свой и не устоит; ухватится за него и не удержится. Зеленеет он пред солнцем, за сад простираются ветви его; в кучу камней вплетаются корни его, между камнями врезаются. Но когда вырвут его с места его, оно откажется от него: «Я не видало тебя!» Вот радость пути его! А из земли вырастают другие. Видишь, Бог не отвергает непорочного и не поддерживает руки злодеев. Он ещё наполнит смехом уста твои и губы твои радостным восклицанием. Ненавидящие тебя облекутся в стыд, и шатра нечестивых не станет”.

– Подожди, Афанасий! Читал ли ты это раньше? Боже, как же страдал бедный Иов, но выстоял же в итоге. И Господь любящий, но всё же послал ему под закат безбедной жизни такие тяготы. Струпья, трещины в теле и сочащийся гной. Возжелаешь тут смерти, пожалуй, – промолвил старец. А про себя подумал: “Может быть, лучше бы и я сегодня умер. Потому как грядут испытания страшные. Но нет же, не имею я права перед лицом Господа Моего думать так”.

– Афанасий, не устал ли ты читать? – поинтересовался

Схимник.

– Нет, батюшка, – отозвался келейник, – а вы как себя чувствуете?

– Лучше, дорогой мой, лучше, продолжай тогда. Много там ещё? – спросил старый монах.

– Страниц двадцать, батюшка.

– Давай на сегодня на этом остановимся, запомни место, на котором остановился, завтра продолжим. А сейчас давай с тобой вместе пообедаем. Ты же этого хочешь, заботливый ты мой?

– Я сейчас же. До монастырской кухни и обратно. Там Федор кашу вкуснейшую приготовил. Есть ещё пироги с рыбой, – обрадовался келейник.

– Не торопись и много не набирай, я много есть-то не могу, как тебе хорошо известно. И про себя не забудь, ведь даже не завтракал небось.

– Не завтракал, ваша правда. Я мигом, – и Афанасий скрылся за дверью.

Иов, бедный Иов, думал старец, всё ещё лежащий на своей кровати. Нил перекрестился трижды и боковым зрением увидел на полу свои монашеские чётки. Сам решил за ними не тянуться, а дожидаться прихода Афанасия. Схимник прочел “Отче наш”, несколько раз Иисусову молитву. В груди перестало жать, а на душе стало ощутимо спокойнее. Вон, Иов не роптал, и я не должен. Но почему же мне вдруг давеча подумалось про царя? Неужели ему грозит опасность? Но

кто может причинить ему вред? Рассуждения Нила прервал вернувшийся келейник. Он занёс поднос с тарелкой ячневой каши, двумя сдобными пирогами и стаканом знаменитого на всю округу монастырского квасу. В келье, надо сказать, было душно. Температура на улице перевалила двадцатипятиградусную отметку. Афанасий приоткрыл форточку окна, после поставил перед кроватью маленький столик, на него поместил поднос. Батюшка попросил келейника помочь ему сесть. Афанасий аккуратно усадил старца, подложив под его спину две подушки.

– А себе чего не принёс? Мы же условились отобедать вместе? Это моё принципиальное условие, Афанасий, – вновь улыбнулся схимник. – И да, голубчик, подними с пола мои чётки. Обронил, когда грохнулся.

– Держите, батюшка! Слава Богу, что вам легче. Я очень испугался, когда увидел вас лежащим здесь...

– Всё хорошо, уже хорошо. Неси-ка, голубчик, и себе каши.

– Сейчас, батюшка, да вы приступайте.

Вскоре Афанасий вернулся со своей тарелкой и сел всё там же у стола-конторки. Обедали молча. В это время старец наблюдал за Афанасием. Ему нравился молодой монашек. Ему был всего-то двадцать один год. Он был чуть выше среднего роста. Худ и бледен. Глаза небесно-голубые. Нос слегка курносый. Бородка реденькая, не особо длинная. Нрав имел покладистый, а помыслы его были чисты, как у ребён-

ка. Он поступил в монастырь восемнадцатилетним юношей. Два года проходил в послушниках. Работал на скотном дворе, а ещё трудился на монастырском огороде. И только прошлой осенью, после того как был пострижен в монахи, стал помощником старца. За минувшие месяцы Нил успел полюбить молодого монаха. Тот его ни разу не подвёл. Вот и теперь, уплетая кашу, Афанасий смотрел на схимника, контролировал, ест ли старец или нет. Схимник намеренно распорядился об обеде, он хотел всем показать, что худшее позади. Однако есть ему совсем не хотелось. Он чувствовал себя неважно. Перенести удар и тут же активничать, такое и молодому не под силу. Нил сделал над собой усилие и взял ложку. Каша и впрямь была вкусной. Особую пикантность ей придавали грибы. Старый монах съел совсем немного и отставил тарелку. Отломил кусочек пирога. Отправив его в рот, сделал пару глотков квасу. На этом трапеза болящего закончилась. Он хотел отдохнуть. Побывать один. Афанасий, увидевший, что старец практически ничего не съел, на сей раз решил промолчать. Сам он с удовольствием опустошил тарелку с кашей, пироги и квас он планировал доест в своей каморке.

– Батюшка, давайте я вам подушки поправлю, – сказал Афанасий. – Отдыхайте, я рядом, если что – зовите.

Монашек уложил старца на постель, забрал поднос и вышел прочь. Нил никак не мог побороть сумбур, возникший в голове. Ему и впрямь нужен был отдых, но мысли, обгоняя

одна другую, роились в его мозгу. Господин Лужинский, что же ему посоветовать? Предстоящая ночь, царь... Нет, нужно отключить ненадолго сознание, твёрдо решил схимник. Он закрыл глаза и глубоко вздохнул. Лицо его было измождённым. Синяки под глазами, щёки ввалились. Вертикальная морщина между бровями, казалось, проявилась ещё больше. Схимник отключился ненадолго от реальности, он был в полудрёме. Сновидений он не видел. Он был как бы в полусне. Глаза его были закрыты, но он чувствовал чьё-то присутствие в келье. И это было не зло. Ощущался приятный аромат. В кресле в этот момент расположился ангел-хранитель старца. Высокий, прекрасный лицом, со сложенными за спиной белыми крыльями. Он держал в руке алую розу, крутил стебель, разглядывая бутон. Ангел улыбался. Он сегодня выполнил свою миссию почти на сто процентов. Спас упавшего наземь старого монаха, не дал его душе расстаться с телом. Гость сидел молча, опасаясь побеспокоить утомившегося святого. Ангел повернулся в сторону лежащего Нила и подул на розу. Лепестки с бутона полетели в сторону тела старца. Они вошли в грудь схимника. Его тело слегка вздрогнуло, как будто в него вдохнули силы, лицо лежащего преобразилось – стало свежее. Морщина между бровей разгладилась. В этот момент наш герой почувствовал облегчение и вместе с этим открыл глаза. В келье было пусто и тихо. Лишь старые часы на стене размеренно тикали. Было без двадцати два. А значит, скоро должен был явиться обеща-

ший заскочить наместник отец Макарий. Только подумав об этом, монах услышал за дверью шум. Слышны были шаги с улицы. Дверь отворилась, и на пороге кельи появились игумен Макарий и ещё несколько монахов. Все были в необыкновенном волнении. Нил же попытался подняться на локтях, чтобы не лежать совсем уж как безнадежно болящий. И надо сказать, ему удалось. Отец Макарий подошёл к постели Нила и трижды поцеловал его в щёки.

– Ох, и напугал ты нас, родной! Как чувствуешь себя, батюшка?

– Спасибо, дорогие, лучше, намного лучше. Милостив Господь! – отозвался схимник.

Макарий взгляделся пристально в лицо Нила, как бы желая проверить достоверность его слов, увиденным остался игумен доволен. Лицо старого монаха излучало свет.

– Если ты не против, батюшка, мы сейчас здесь все помолимся за тебя. Нам без твоей опеки остаться никак нельзя, – резюмировал наместник.

В этот момент случившийся рядом отец Феофан начал читать акафист Иисусу Христу. Ещё двое монахов выступали в роли певчих. Макарий сел в кожаное кресло и взял лежащего старца за руку. Игумен управлял монастырём последние двадцать лет. Нил уже был здесь до его прихода. Они крепко дружили, и как было сказано выше, старец был духовным отцом Макарию. Игумен буквально с первых дней осознал духовную силу схимника. Особенно его поразил случай, ко-

гда вдова-крестьянка принесла в монастырь своего незрячего мальчика и Нил, молившийся о нём три дня кряду, вернул ребёнку зрение. Он просто смазал веки болящего ребёнка миром, и тот прозрел. И таких случаев чудесных исцелений за двадцать лет были десятки. Слава о святом Ниле быстро распространилась за пределы губернии. К старцу ехали со всей России. И он был одинаково рад всем, и обычным бедолагам из народа, и представителям высшего света. Теперь в силу своего слабого здоровья Нил принимал мало, но всё равно старался помочь страждущим. Макарий, как игумен и управленец, понимал, что пока в монастыре есть такой святой подвижник, то народ будет ехать, оставляя щедрые жертвования обители. Но не только и не столько расчёт руководил мыслями Макария. Он правда беззаветно любил схимника и желал ему крепкого здоровья. Выпустив руку Нила, когда закончили чтение акафиста, Макарий сложил персты, перекрестил лежащего. И монахи все разом запели «многая лета» старцу. Игумен так же трижды поцеловал болящего и направился к двери. Там он шёпотом дал несколько распоряжений Афанасию. Когда все вышли, келейник дал схимнику пилюлю со стаканом воды. Нил принял лекарство и попросил оставить его одного. Весь сумбур, сложившийся в голове монаха после ночи, прошёл. Мысли были ясными. Батюшка готовился ко второй ночи. Он просил Бога заступничества и помощи. Будучи прозорливцем, он также понял замысел писателя Лужинского. Последнему нужен был про-

тотип его героя, и старец готов был помочь литератору. Их первая встреча дала ясно понять, что господин Лужинский из числа сомневающих, а стало быть, и герой его произведения тоже должен будет подвергнут сомнениям. Такой вот разочаровавшийся монах, который под конец жизни понимает, что Бога нет, которому, в отличие от Серафима Саровского, не являлась Богородица, который так и не получил знамений и в душе которого сам дьявол посеял зерно этого самого сомнения. Но если первая встреча с Лужинским получилась скомканной – поговорить толком не удалось, то вторая должна выйти по логике более обстоятельной. Так, по крайней мере, положил схимник.

Размышления Нила прервал приступ тошноты. К горлу неприятно подкатило, старый монах едва сдержал рвоту. Он позвонил в колокольчик, тут же явился Афанасий. Батюшка рассказал о проблеме, и келейник поставил рядом с кроватью тазик. А ещё монашек предложил липового чаю. Старец отказался. Келейник откланялся и ушёл. Нил склонился с кровати. Всё содержимое желудка перекачевало в тазик. “Рвотная доля”, – подумал старец.

Глава 9

Господин Лужинский

В это время Сергей Фёдорович Лужинский сидел в трапезной вместе с другими мирянами, прибывшими в мона-

стырь. Монахи, уставшие от послушаний, обедали за двумя соседними столами. Они ели не разговаривая. На обед писателю подали щи с квашеной капустой, мятую картошку с куском рыбы, два куска хлеба и стакан кваса. Литератор поймал себя на мысли, что мешает ложкой первое блюдо и ещё ни разу не поднёс её ко рту. Сергей Фёдорович думал. Ему было трудно дать оценку первой встрече со святым. А ещё он терзался – не наговорил ли чего лишнего. Тут же на столе перед Лужинским лежала тетрадь. В ней – физиогномический портрет старца. Написано было сразу утром по горячим следам. Вот каким схимника увидел Лужинский: “По виду батюшка отец Нил – благообразный старец, немного выше среднего роста и несколько от старости сутуловат. Будучи смолоду очень красивым, он и в старости не потерял приятности в своём лице, несмотря на его бледность и худобу. На лбу две-три морщины, которые при случае совершенно сглаживались; глаза светло-карие, живые, пронизательные, видящие душу насквозь; губы обыкновенные; борода довольно длинная, редкая, седая, в конце раздвоенная. Батюшку нельзя себе представить без участливой улыбки, от которой становилось как-то весело и тепло, без заботливого взора, который говорил, что вот-вот он сейчас для вас придумает и скажет что-нибудь очень полезное, также трудно представить его и без того оживления во всем – в движениях, в горящих глазах, с которым он вас выслушивает и по которому вы хорошо понимаете, что в эту минуту он

весь вами живёт и что вы ему ближе, чем сами себе». Сергей Фёдорович, так же как и старец, отметил про себя, что их первая встреча была сумбурною, но в этом целиком и полностью винил себя. Писатель ждал завтрашнего дня, чтобы поговорить основательно. Он даже заготовил несколько вопросов, которые старался сформулировать как можно корректней. Лужинский был в нетерпении, ему хотелось, чтобы Нил задал генеральный вектор его новой работе, а дальше слова и обороты сделают своё дело, история обростёт мышцами, появятся герои со своими историями, жизнеописание которых вызовет отклик в душе читателя. Ведь его же первая работа под названием “Зверь” выстрелила. Тираж для начинающего автора вполне приличный. Критика тоже сносная. Книжки покупают. Первый роман Лужинского рассказывал о мальчишке с садистскими наклонностями, который вырос в настоящего зверя – серийного убийцу, резавшего в основном убогих и душевнобольных. Герой Лужинского мнил себя богом, очищающим землю от “людского мусора”. Первые главы “Зверя” поражали реалистичностью описания сцен насилия. Например, Сергею Фёдоровичу удалось максимально правдоподобно рассказывать о том, как семилетний мальчишка, отыскав дупло в вербе над речкой, стал ковырять в нём палкой, испытывая неимоверный восторг от писка птенцов, которых он пронзал остриём. Причём этот первый садистский акт маленького злодея занимал пятнадцать страниц книги. Ещё двадцать были посвящены истории про со-

баку. Отец принёс маленькому маньяку щенка, которого поначалу он очень любил, но когда щенок вырос в обычную лохматую дворнягу, то малолетний садист стал издеваться над ним, бить страшным боем. Обычно со всего размаха он кидал камни в будку. Несчастный пёс выл, а мальчик-зверёк испытывал настолько сильное возбуждение, что его буквально трясло. А ещё будущий серийный убийца топил кошек. Когда пузыри воздуха, вырывавшиеся у несчастных котят из пасти, заканчивались, изувер вытаскивал обмякшие тельца и ударами по мордочке приводил котят в чувство. Пушистые жертвы маленького изверга были худы и едва носили лапы, всякий раз прячась от своего мучителя, но их настигали крепкие не по возрасту руки юного садиста. Вот эта самая реалистичность и нравилась читателю. Герой Лужинского вызывал сильную эмоцию – отвращение. Но Сергей Фёдорович вдохновение, как оказалось, черпал в самом себе. Оказывается, наш уважаемый писатель в детстве был не прочь помучить слабых и беззащитных. Но Лужинский сумел соскочить со скользкой дорожки, как раз после одного случая. Будучи двадцатилетним юношей, он отправился в лес, в то место, где в одиночестве предавался плотским утехам, так сказать, сбрасывал жгущее тело напряжение. Но в тот день на поляне он увидел сидящую в лохмотьях горбатую девушку. Юноша подошёл незамеченным. Он подкрался сзади, а потом что есть мочи закричал: «Бу!» Неряшливая девушка вздрогнула и в ответ стала мычать что-то нечленораздельное. Она ока-

залась немой. И тут в Лужинском разыгрались прежние садистские наклонности. Он захотел причинить несчастной боль. Он чувствовал пульсацию в висках. Его трясло, а вместе с этим росло сексуальное возбуждение. В итоге он, как зверь, набросился на нищенку и изнасиловал её самым бесстыдным и извращённым способом. Сделав дело, он испугался и бросился прочь. Спустя несколько лет, уже будучи порядочным семьянином, прогуливаясь со своей женой по городской мостовой, на паперти у церкви он почувствовал на себе сверлящий взгляд. Это была она – его безмолвная жертва. В её глазах застыл ужас. Она глядела неподвижно. Но Лужинский тогда стушевался лишь на мгновение, ему пришла в голову мысль – подать нищенке. Он подошёл к ней вплотную. Заглянул в глаза, в которых дрожали слёзы, и протянул целковый. Бедняжка взяла монету, а потом перекрестила своего мучителя. С тех пор Лужинский, как ему казалось, уверовал в Бога. По ночам он молился, прося прощения за грехи детства и юности, а главное, умолял оставить ему самый главный грех – изнасилование немой нищенки. Очень скоро ему в голову пришла идея – он сел за написание “Зверя”. И вот теперь он обедал в монастырской трапезной, искренне надеясь, что прозорливый старец не разгадает его чёрную лживую душу.

Глава 10

Дары благодати старца Нила

Душа же старца Нила была если не кристально чистой, то

абсолютно близка к этому. Именно сейчас о больном схимнике думал игумен Макарий, расположившийся в своём кабинете. Нил вполне оправданно был центром монастырской жизни. За годы, проведённые в обители, он никого не обидел ни словом, ни делом и даже ни помышлением. От него исходил свет. Тепло источал он, в лучах которого грелись все окружающие. При этом батюшка был чрезвычайно скромным. Сам Нил о своей молитве говорил так: «Вот в Глинской пустыни умер один старец, так у него часа три после смерти рука всё перебирала чётки. А я вот грешный и не знаю, когда только их перебирал. Я даже и в монастыре-то, пожалуй, всего только один год прожил». Но много говорили монахи именно о горячей, слёзной молитве схимника. И силу она имела исцеляющую. Макарию вдруг вспомнился случай десятилетней давности. В Введенский храм монастыря привели бесноватого. Его буквально вволокли через порог трое мужчин. Он всё время сыпал проклятиями, ругался непотребной бранью, да так, что изо рта вместе с хулой летела слюна. В этот момент Нил, тогда ещё относительно здоровый, был на службе. Он сидел на скамейке рядом с клиросом. Услышав вопль бесноватого, он быстро пошёл на шум. Молодого мужчину буквально ломало, был слышен даже хруст его костей. Увидев старца, бесноватый закричал: «Уйди Нил, он мой!» На что батюшка ответил: «Назови своё имя, демон!» «Ваал – моё имя!» – кричал бесноватый и взглянул на старца кровавыми глазами. Тогда старец попросил ведро

святой воды. При этом кропило велел не нести. Когда подали воду, схимник поднял глаза к куполу храма, где на потолке распростёр свои объятия Спаситель, перекрестился три раза, а потом громко сказал: «Изыди, нечистый!» Одновременно с этими словами он опрокинул на бесноватого ведро святой воды. Тот момент запомнили все, кто находился в храме. Попав на одежду и кожу несчастного, вода зашипела, как будто ей только что залили огонь. А потом наступила гробовая тишина. Свидетели чуда стояли в недоумении. Демон покинул тело мужчины. Сам он упал на колени и полз в направлении старца. Приблизившись, трижды поклонился и поцеловал край мантии схимника. И это не единственный случай, когда монах изгонял демонов. Примеров тому было много, не один десяток. Но именно об этом случае с ведром узнал наш неоднозначный писатель Лужинский. Он положил себе, что старца увидит наверно, а так как Сергей Фёдорович был человеком целеустремлённым, то в конце концов этого и добился.

Игумен Макарий сейчас был крепко озабочен. Как опытный монах он знал, что старцу Нилу осталось недолго быть с братией. Батюшка предвидел свою смерть. Да и доктор Хольц благоприятных прогнозов не дал. Значит, нужно готовиться к худшему. Но в любом случае свой земной путь Нил прошёл праведно, со страхом божьим. Из многочасовых бесед со старцем Макарий знал, что Нил, в миру Саша Востров, с первых лет жизни готовил себя служению Госпо-

ду. По словам самого схимника, наибольшее влияние на него оказала бабушка. Она была глубоко верующей, пела в церковном хоре и пекла просвирки. Так вот, когда Саше было всего семь лет, она приняла в дом квартирантов, рабочих, которых местный священник нанял для внешнего ремонта храма. Рабочие сразу полюбили маленького Сашу. Он был у них на побегушках и при этом чрезвычайно радовался, что причастен к большому делу. Приносил в разгар трудового дня квасу, таскал наверх упавший с колокольни инструмент. Одним словом, трудился по мере сил. Тогда он впервые поговорил с бабушкой о Боге. С её слов осознал Его величие. Довольно быстро выучил наизусть «Отче наш», «Богородице Дево, радуйся!» и «Символ Веры». Вместе с одним из рабочих они рисовали деревенскую церковь. Особенно хорошо у Саши получались окошки храма, из которых по его задумке струился таинственный свет. Бог был для отрока настоящей загадкой, чем-то запредельным. С тех пор Саша взял в привычку молиться перед сном. Он читал про себя все выученные молитвы, потом просил здоровья для своих близких. После он имел обыкновение накрываться одеялом с головой, при этом мысленно произносил: «Можете нападать на меня, всё равно я вам не по зубам». Под одеялом Саша чувствовал себя защищённым от демонов, о которых тоже ему поведала бабушка. Строители работали на храме полтора месяца. Саша же стал полноценным членом команды. Уезжая, рабочие надарили ему кучу подарков. Среди которых был даже ма-

ленький бинокль. И в ближайшее же воскресенье Саша пошёл в церковь на службу. Он тогда первый раз оказался в заполненном людьми храме, впервые же услышал пение хора и был чрезвычайно удивлён близости к Богу. Он тогда смотрел на крестившихся старушек и сам решил впервые осенить себя крестным знамением. Попытка, правда, была неудачной – он перекрестился на католический манер, то есть слева направо. Одна из женщин его поправила, при этом вложив в Сашину ладонь несколько копеек, как она сказала, «на конфеты». Это был его первый поход в церковь. Когда он пришёл в следующий раз, то знавший его местный батюшка Николай позвал маленького прихожанина в алтарь. Так началось его служение Господу. Будучи алтарником, он подавал кадило, выходил во время литургии с огромной свечой. Одним словом, был полноценным участником службы. Женщины-певчие, среди которых была и его бабушка, смотрели на него с умилением. В воскресенье и по большим праздникам он вставал ни свет ни заря, чтобы, взяв холщовую сумку с просвирками, испечёнными накануне, бежать в церковь. Из белой скатерти с кленовыми листьями любимая бабушка пошила ему облачение. Именно тогда, делая свои первые шаги на пути к любящему Богу, Саша Востров положил себе на сердце, что станет священником. После тяжёлой болезни и смерти брата и кончины бабушки он усложнил для себя задачу – внутренне стал готовиться в монахи. Среди духовных отцов церкви есть выражение – человек, пришедший в

юном возрасте в монастырь, подобен свече, а вот долго живший в миру, а потом вдруг решивший сделаться монахом для Бога всё равно что огарок. Саша Востров был той самой целой свечой, источающей медовый аромат. Целомудренный. Кроткий. Готовый, а главное, способный на подвиг.

Глава 11

Видение старца

Вечерело. Монастырские деревья громко шумели, ветви гнулись от ветра. Его порывы несли тяжёлые тучи. По всем признакам приближалась гроза. Вдалеке были слышны раскаты. Молнии наконец исполосовали небо над обителью, и раздался сильнейший гром. В этот момент старец, лежа на своей постели, перекрестился. На часах – двадцать минут десятого. В то время, на которое мы оставили нашего героя, ему было видение. Сейчас схимник предпринимал усилия встать с кровати, чтобы записать подробности открывшегося. Нил медленно дошёл до стола-конторки. Сел на стул. Взял несколько листов бумаги и стал записывать.

«Я недостойный раб Божий Нил. Моей рукой сие написано. Я услышал звон огромного колокола. Я открыл глаза и для себя отметил, что стою в маковом поле. Это был один такой красный ковёр. Вдалеке я увидел свечение. Яркий сгусток света приближался ко мне с огромной скоростью. Всего через несколько секунд яркое облако остановилось рядом со мной. Я увидел ангела в белоснежных одеждах. Оказавшись рядом со мной, он расправил свои крылья. Размах их был бо-

лее двух метров. С одного из крыльев его слетело перо. Оно, направляемое ветром, легло мне на плечо. Я почувствовал тяжесть, как будто на меня поставили пудовую гирю. Ангел произнёс: «Не бойся, Нил, потяжелел крест твой под закат дней твоих, но Он даёт ношу по силе твоей. Не ропщи, но неси крест свой, и да вкусишь плоды райские». Я спросил в свою очередь: «Сон ли вижу или явно слышу и чувствую?» Ангел ответил: «Дух твой не спит, иди за мной». Мы шли по маковому ковру. Я чувствовал, как от росы моя обувь сделалась мокрой. Вдруг мы вышли на поле с пожухлой, ржавой травой. Был слышен шум водопада. Я повернулся направо. По камням, бурля, лилась грязная вода. Ангел сказал: «Нил, грядёт время, когда смрадная волна поглотит людей веры христианской. Придут звери со звездой красной и будут многими тысячами уничтожать люд православный. Священники и монахи примут кончину мученическую. Церкви будут разрушены. Вон смотри, сколько крестов». Я увидел кладбище, огромный погост, который простирался на многие километры. Перед моими глазами пронеслись яркие, как вспышки, картины смертей духовенства. Я видел, как монахам стреляют в лица. Я видел, как сбрасывают колокола с колоколен, как обезглавливаются храмы. Я посмотрел на небо. Там горело число 1917. Ангел сказал: «Идёт время Антихристово». Мы стояли с ангелом, и мимо нас бежало полчище крыс, словно живая река, они направлялись к стоящему трону. Своими острыми зубами они грызли ножки трона, так

что он в конечном итоге завалился. «Царь будет повержен», – сказал ангел. «Боже, спаси и сохрани!» – в свою очередь сказал я. Тут снова зазвучал огромный колокол. Ангел и вся картина исчезли».

Старец записал всё увиденное и опустил голову на скрещенные руки. Царь умрёт смертью мученика, и время Антихриста близко. Батюшка Нил посмотрел на часы. Без пяти минут одиннадцать. Он провёл за столом довольно много времени, тщательно описывая своё видение. Совсем скоро к нему должен был прийти очередной демон, ещё более сильный, чем давешний. Схимник устал. Он с трудом дошёл до постели и лёг. Оставалось около двух часов ожидания. Их старый монах намеревался провести в молитве.

За окном перестало греметь. В открытую форточку пробивался свежий после летнего дождя воздух. Нил, перебиравший свои чётки, горячо молился. Ему стало легче на душе. Он внутренне готовился к сражению. Старец верил, что Господь его не оставит.

Глава 12

Сон господина Лужинского

А что же господин Лужинский? Сергей Фёдорович после обеда в раздумьях отправился в монастырскую гостиницу. У него там был зарезервирован маленький номер. Перед тем как войти к себе, наш писатель постоял у крыльца. Желая быть незамеченным, он выкурил крепкую папиросу. Он решил, что вечером отправится на службу в главный монастыр-

ский Введенский храм. Как убить время, он решительно не представлял. Поэтому, отворив скрипучую дверь своего номера, он, не снимая ботинок, повалился на скрипучую же кровать. О чём в этот момент думал литератор, так и останется тайной. Одно можно сказать наверное: было в его душе какое-то нехорошее предчувствие. Лужинский силился отогнать гнетущие мысли. Лучшим выходом из этого тупика Сергей Фёдорович посчитал сон. Он закрыл глаза. В мозгу замелькал калейдоскоп пёстрых картинок. Писатель провалился. «Сергей Фёдорович, голубчик!» – звал женский голос. «Что же вы нас игнорируете?» – вторила другая. «Хотите, поиграем?» – смеялась третья женщина. Лужинский обнаружил себя лежащим в огромной постели с балдахинном в зале старинного замка. Сергей Фёдорович открыл занавесь и увидел трёх обнажённых женщин. Они были настолько красивы, что на время наш писатель лишился дара речи. Одна девушка была с белыми волосами. Две другие с чёрными. Они располагались на белых стульях и буквально извивались от сжигающей их похоти. При этом они ладонями закрывали самые интимные места, но в то же время хищнически облизывали свои губы. «Ну же, Сергей Фёдорович, что же вы всё одни лежите? Нас трое, и мы можем вам составить компанию!» – произнесла как-то нараспев блондинка. «Позовите нас. Мы хотим быть вашими рабынями!» – добавила одна из черноволосых. Лужинский проглотил слюну. Им овладело желание. Он почувствовал, что кровь приливает к тазу. Он

вскрикнул: «Идите же ко мне, красавицы вы мои. Папочка хочет поиграть с вами!» Девушки встали со стульев и, словно три кошки, молниеносно оказались в постели ополоумевшего писателя. Лужинский весь затрясся. Он чувствовал, как три пары рук снимают с него одежду. Сергей Фёдорович приготовился получить мощнейшее чувственное удовольствие. Но как наивен был наш писатель. Чрез мгновение в постели с ним, извиваясь, лежали три огромных крокодила. Первый со светлой кожей откусил левую ногу по щиколотку. Лужинский взвыл от жутчайшей боли. Тогда две другие почти чёрные рептилии набросились на его детородный орган. На балдахин брызнула струя алой крови. Сергей Фёдорович почувствовал, что теряет сознание. Он увидел себя как бы со стороны лежащим в красной луже, а три девицы катались по простыни, стараясь как можно сильнее измазаться в его крови. «А руки мы тебе оставим, папочка, чтоб ты петлю смог себе на шею накинуть!» – проревела белокурая девица. Лужинский очнулся в холодном поту. Руками он держался за низ живота. Ему стало страшно. Сергей Фёдорович хотел было перекреститься, но передумал. Вместо этого он плюнул на пол и грязно выругался. Вот такой сон приснился писателю. Особенно поразили его слова о петле на шее. Лужинский нестерпимо захотел покурить. Выйдя на двор, он затянулся, что было мочи. Проходивший мимо монах сделал ему замечание, и Сергей Фёдорович был вынужден потушить папиросу. Народ меж тем потянулся в монастырь на службу. Наш

писатель решил, что и ему следует пойти отстоять вечернюю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.